

В.С. ВАСИЛЬЕВ, Е.А. РОГОВСКИЙ*

МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ Б. ОБАМЫ – Т. ГАЙТНЕРА

К середине февраля 2009 г., спустя примерно месяц после официального вступления в должность президента Б. Обамы, стали вырисовываться контуры его стратегии по выведению экономики США из финансово-экономического кризиса, базирующейся на «трёх китах» – на Плане американского возрождения и реинвестиций стоимостью в 787 млрд. долл., одобренном Конгрессом и ставшим законом 17 февраля, на Плане обеспечения финансовой стабильности стоимостью порядка 2 трлн. долл., обнародованном министром финансов США Т. Гайтнером 10 февраля, и на логической составляющей последнего – на Плане финансовой помощи должникам по ипотечному кредитованию стоимостью примерно 275 млрд. долл. Эти масштабные и дорогостоящие планы вызвали неоднозначную реакцию широкой американской общественности, политической элиты и профессиональных экономистов, главным образом по причине того, что вместо придания экономике США мощных стимулов по преодолению кризиса и ускорению её развития с течением времени они вполне могут превратиться в главный фактор её вступления в принципиально новое качественное состояние, которое некоторые американские экономисты уже окрестили как «Великая Депрессия 2».

Надо признать, что у противников экономических планов администрации Обамы, главным образом республиканцев и выражающих её идеологию консервативных экономистов – сторонников «свободного рыночного хозяйства», были достаточно серьёзные причины отказать избранному президенту в поддержке. В начале января 2009 г. на политический Вашингтон был опрокинут «ушат холодной воды» – расхожие кризисные «страшилки» обернулись правдой, а потому политики оказались совершенно не готовы к сложности свалившихся на их головы задач.

Холодной январской купелью стали оценки Бюджетного управления Конгресса (БУК), говорящие о том, что в текущем 2009 фин. г. дефицит федерального бюджета может достичь 1,2 трлн. долл. (8,3% ВВП), падение реального ВВП в 2009 календарном году составит 2,2%, а к началу следующего года безработица может вплотную приблизиться к 10%. И это при том, что приведённые БУК прогнозные оценки дефицита бюджета 2009 фин. г. не учитывают расходов по экономическому плану Б. Обамы, которые потребуют ещё

* ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН; РОГОВСКИЙ Евгений Александрович – кандидат экономических наук, руководитель Центра промышленной политики ИСКРАН. Copyright © 2009.

787,2 млрд. долл., из которых не менее 190 млрд. долл. предполагается потратить в текущем финансовом году. В итоге дефицит государственного бюджета США в этом году, по данным Министерства финансов, может достичь 1,6 трлн. долл., что составит не менее 11,1% ВВП США¹.

Реакцию политиков на эту ситуацию выразил председатель Бюджетного комитета Сената США К. Конрад: «Прогноз БУЖ поверг меня в настоящий шок. С таким прогнозом я не сталкивался ни разу на всём протяжении своей политической деятельности. Президент Обама, даже не приступив к своим обязанностям, столкнулся с бюджетной катастрофой невиданных масштабов»². Быстро выбраться из катастрофического бюджетного дефицита практически невозможно. По мнению ряда американских аналитиков, такая ситуация с высокой вероятностью повлечёт «пролонгацию и углубление экономического спада на неопределённый период после 2009 г.». Это и вызвало накал политической борьбы вокруг предложенного плана (2010 г. – год промежуточных выборов в Конгресс США, в такой год рецессия может поставить крест на политической карьере многих поддержавших Б. Обаму конгрессменов и сенаторов-демократов).

Политический фон бюджетных баталий на Капитолийском холме

Как это ни парадоксально звучит, но самым главным итогом принятия Конгрессом Плана американского возрождения и инвестиций, ещё в конце прошлого года заявленного Б. Обамой в качестве главного приоритета деятельности его администрации в первые 100 дней, стали ход и риторика ожесточённой политической и идейной борьбы, развернувшейся в политико-информационном поле США, которая представила и нового президента, и его экономических советников отнюдь не в однозначном свете. Эта двойственность может иметь далекоидущие последствия, прежде всего для реализации законодательно утверждённого и заявленных планов оздоровления американской экономики и его финансовой сферы, от чего в конечном счёте зависит и судьба президентства Б. Обамы и судьба его администрации.

Прежде всего американские наблюдатели обратили внимание на тот факт, что в общих чертах план американского возрождения и инвестиций был впервые представлен американской общественности в начале января в ходе выступления Б. Обамы в Университете Дж. Мейсона (штат Вирджиния), экономический факультет которого хорошо известен в США в качестве одного из оплотов рыночного фундаментализма – далеко не лучший форум для изложения пронизанного идеями кейнсианства экономического плана новой администрации. Чутко реагирующий на малейшие нюансы и тональности заявлений официального Вашингтона по вопросам экономической политики лауреат Но-

¹ U.S. Department of Treasury. Minutes of the Meeting of the Treasury Borrowing Advisory Committee of the Securities Industry and Financial Markets Association, 3.02.2009. TG-11. 4.02.2009.

² Statement by Senate Budget Committee Chairman Kent Conrad (D-ND) on CBO January 2009 Budget and Economic Outlook, 7.01.2009 (<http://www.congress.org>).

белевской премии по экономике за 2008 г. П. Кругман, восторженно приветствовавший в ноябре 2008 г. победу Б. Обамы на президентских выборах, не без некоторого удивления отметил, что его инаугурационная речь 20 января носила «настолько заурядный характер», что к вечеру он (Кругман) «уже не был столь уверен в общем направлении экономической политики администрации как утром». Он особо подчеркнул, что «в ответ на беспрецедентный экономический кризис... Обама говорил более или менее абстрактно о необходимости сделать трудный выбор и противодействовать специальным интересам. Однако этого было явно недостаточно»³.

В это время Палата представителей активно занималась законодательным оформлением и конкретизацией Плана американского возрождения и инвестиций, однако приступивший к исполнению своих президентских обязанностей Б. Обама отошёл в сторону от публичных дискуссий относительно достоинств и недостатков предложенного им плана, сосредоточившись на закрытых встречах с лидерами и членами Конгресса. В результате 28 января контролируемая демократами Палата представителей без особых затруднений утвердила экономический план Обамы: голосование проходило сугубо по партийному признаку – в поддержку плана высказались 244 демократа, против 188 республиканцев, к которым присоединились 11 демократов, которые в основном представляли округа с традиционно прореспубликанской ориентацией.

После этого план стоимостью 819 млрд. долл. был направлен на рассмотрение Сената, и вот здесь перед администрацией замаячила тень первого серьёзного политического поражения: для утверждения плана, согласно регламенту Сената, требовалось большинство в 60 голосов, а демократы располагали простым большинством в 58 голосов. Правоконсервативные силы повели мощную атаку на законопроект, одобренный Палатой представителей. В ход пошла «тяжёлая артиллерия» республиканских «мозговых центров»: институт Като распространил письмо президенту Обаме от имени более двухсот экономистов (в том числе двух лауреатов Нобелевской премии по экономике – Дж. Бьюкенена и В. Смита), решительно выступивших против экономического плана.

Помимо этого, институт Като подготовил широко растиражированный сценарий катастрофического развития событий в американской экономике, который мог бы реализоваться в результате принятия экономического плана Обамы, когда «экономическая активность могла упасть на 90% или даже больше»⁴. Однако особенно сильный резонанс вызвали статьи М. Фелдстейна, Г. Манкива и Л. Линдси, в прошлом входивших в экономические команды президентов Р. Рейгана и Дж. Буша-мл. Пожалуй, самой «убойной» оказалась статья М. Фелдстейна «Ошибка ценой в 800 млрд. долл.»⁵. В ней один из наиболее авторитетных американских экономистов категорически высказался против принятия плана стимулирования американской экономики на том основании,

³ Krugman P. Stuck in the Muddle. – «The New York Times», 23.01.2009.

⁴ Cato Institute. Tax & Budget Bulletin. Deficit Spending: A Scenario Analysis. No. 54. February 2009, p. 2.

⁵ Feldstein M. An \$800 Billion Mistake. – «The Washington Post», 29.01.2009.

что «столь большое увеличение бюджетного дефицита крайне незначительно увеличивает занятость и доходы населения».

В начале февраля под мощным идеологическим давлением Белый дом, казалось, дрогнул; президент объявил о создании независимого Экономического консультативного совета во главе с П. Волкером, в который вошли 17 человек – представители бизнеса, профсоюзов и академических кругов, и среди них бывший председатель Экономического совета при президенте Клинтоне Лаура Тайсон, а также М. Фелдстайн. Их включение в состав совета американские аналитики расценили как своего рода «вотум недоверия» экономической команде «первого набора», сформированной Б. Обамой в ноябре – декабре 2008 г. Потеря контроля над ходом идейных дебатов и нарастающее беспокойство Белого дома в отношении перспектив принятия плана стимулирования американской экономики Конгрессом побудило Обаму к беспрецедентному в американской истории новейшего времени заявлению накануне голосования в Сенате, сделанному 9 февраля в штате Индиана: «Если мы не начнём действовать немедленно, то наша страна погрузится в кризис, из которого в какой-то момент мы не сможем выбраться».

Это заявление, поразившее американское общественное мнение, можно было воспринять двояко. С одной стороны, новоизбранный и имеющий большую общественную поддержку президент просто стремился оказать давление на Сенат, который на следующий день 61 голосами «за» (58 демократами и 3 республиканцами) и 37 голосами республиканцев «против» принял план стимулирования американской экономики. С другой стороны, его можно было расценить и как признание приступившего к исполнению своих обязанностей президента, который, ознакомившись со всей доступной главе Белого дома информацией, в том числе и закрытой, «честно и откровенно» – в духе своих предвыборных обещаний – доложил стране о её среднесрочных и даже долгосрочных перспективах. Вопрос, заданный Б. Обаме на его первой пресс-конференции 9 февраля, отразил всю глубину смятения, воцарившегося в американском обществе и его деловых кругах в результате этого заявления: «Является ли это Ваше высказывание о том, что нынешняя рецессия может стать перманентной, в отличие от других экономических потрясений, которые в прошлом благополучно пережила страна, результатом информации и докладов, доведённого до вашего сведения? И не считаете ли Вы, что высказывания подобного рода могут подорвать доверие к Вам или даже ещё больше навредить экономике?»⁶. И хотя Б. Обама постарался всячески сгладить тяжёлое впечатление, вызванное его высказыванием, из дальнейших ответов стало ясно, что план экономического стимулирования, ставший законом в середине февраля, не опирается на глубокие аналитические разработки и его шансы на успех оцениваются как 7 : 3.

Эта противоречивость Плана американского возрождения и инвестиций в итоге стала прямым следствием поручения, которое Б. Обама дал своей экономической команде – разработать такой план оздоровления американской эко-

⁶ The White House. The Briefing Room. Press Conference by the President, 9.02.2009 (<http://www.whitehouse.gov>).

номики, который бы в одинаковой степени соответствовал интересам «и Уолл-стрит, и Мейн-стрит», т.е. как богатейшим, так и беднейшим слоям американского общества⁷.

«Франклин Делано» или «Рональд Вильсон» Обама?

Центральное место среди семи макропозиций Плана американского возрождения и инвестиций занимают налоговые сокращения и льготы на общую сумму в 288 млрд. долл., которые составляют порядка 37% суммарной величины расходов. Подавляющую часть налоговых сокращений и льгот предполагается «вернуть в экономику» в течение 2009 и 2010 гг., при этом главное значение в плане налогового стимулирования американской экономики играет сокращение подоходных налогов и льгот на 232,4 млрд. долл., что составляет немногим более 80% суммарной величины налоговых сокращений. Основное стимулирующее воздействие на американскую экономику в самое ближайшее время должны начать оказывать налоговые сокращения на трудовые доходы 129 млн. американских рабочих и служащих на 116,2 млрд. долл., налоговые льготы на содержание детей в семьях с небольшими доходами на 14,8 млрд. долл. и налоговые кредиты на трудовые доходы малоимущих семей на 4,7 млрд. долл. По заключению экспертов Центра исследования налоговой политики Брукингского института, остальные составляющие плана снижения подоходных налогов (продлонгирование на 2009 г. положений Налогового кодекса США об альтернативном минимальном налоге на 69,8 млрд. долл., налоговые кредиты для студентов из малоимущих семей на 13,9 млрд. долл. и налоговые льготы на приобретение домовладений, автомобилей и освобождение от уплаты налогов на получаемые пособия по безработице на общую сумму 13 млрд. долл.) большого стимулирующего воздействия на экономику США не окажут. Различного рода налоговые льготы бизнесу на 8,6 млрд. долл. также не сыграют большой стимулирующей роли, главным образом по причине их небольшой величины. И, наконец, налоговые льготы на инвестиции в возобновляемые источники энергии на 20,0 млрд. долл. вряд ли заметно скажутся на динамике экономических показателей ранее 2010 года⁸.

Ознакомившись с планом, американские политики и аналитики с удивлением обнаружили, что новоизбранный президент-демократ («новый Ф.Д. Рузвельт») начал свою деятельность на поприще экономического возрождения страны подобно истому республиканцу. Как в 1981 г. Р. Рейган и в 2001 г. Дж. Буш, Обама предложил план налоговых сокращений, который можно рассматривать в качестве продолжения республиканской политики, получившей название «перманентной налоговой революции». Планом налоговых льгот и

⁷ Remarks of President-elect Barack Obama. Radio Address on the Economy, 6.12.2008 (<http://www.change.gov>).

⁸ Urban-Brookings Tax Policy Center. Tax Stimulus Report Card: Conference Bill as of 13.02.2009, p. 1. Publication № 411839.

Таблица 1

Компоненты конечного спроса ВВП США, %

Компоненты конечного спроса	2007 г.	В среднем за 1979–2007 г.
Личное потребление	70,3	66,7
Частные инвестиции в экономику	10,9	11,3
Частные инвестиции в жилищное строительство	4,6	4,5
Государственное потребление и инвестиции	19,4	19,4
Нетто-экспорт	– 5,1	– 2,4

Krugman P. After the Stimulus. – “The New York Times”, 17.11.2008.

сокращений Обама начал «игру на чужом политическом поле», что вызвало яростное противодействие республиканцев в Конгрессе США, которые уверены, что с начала 1980-х годов именно периодические налоговые революции обеспечивают их партии устойчивую электоральную базу.

По мнению аналитиков Центра исследования налоговой политики при Брукингском институте, «налоговые льготы в объёме 150 млрд. долл. повлекут рост потребительского спроса не более чем на 60 млрд. долл. (40% от суммы льгот). Этот объём можно считать существенным с политической точки зрения, но его потенциальное воздействие на ВВП достаточно скромно»⁹. Задавленная агрессивной рекламой современная американская экономика ориентируется на инстинкты и стереотипы поведения так называемых «шопингоголиков» (по определению американских психиатров), которые своей несоразмерной доходам покупательской активностью на протяжении последних 10–15 лет «американского процветания» влезли в невозвратные долги и спровоцировали кредитный кризис. По статистике веб-сайта *Credit.com*, за десять лет, с 1997 по 2007 г., долги американцев за покупки, сделанные с помощью кредитных карточек, выросли на 75% и к концу 2007 г. достигли 972 млрд. долларов¹⁰.

По данным исследования американских психиатров, опубликованного в октябре 2006 г. в журнале «Американ джорнел оф сайкайестри», «шопингоголиками» являются более 10 млн. американцев¹¹ и они есть среди всех слоёв американских потребителей – от самых бедных до самых богатых¹². По мнению П. Кругмана, именно «шопингоголики» во многом обусловили высокую до-

⁹ Tax Policy Center. Obama's \$300 Billion Tax Cut: Lots of Buck, Not Much Bang, 5.01.2009 (http://taxvox.taxpolicycenter.org/blog/_trackback/4047116).

¹⁰ http://www.credit.com/credit_information/debt_help/Five-Shocking-Credit-Card-Debt-Statistics.jsp

¹¹ K o k a n L., M.D.; F a b e r R., Ph. D.; A b o u j a o n d e E., M.A., M.D.; L a r g e M., Ph.D. and S e p p e R., Ph. D. Estimated Prevalence of Compulsive Buying Behavior in the United States. «American Journal of Psychiatry» 163:1806-1812, October 2006 (<http://ajp.psychiatryonline.org/cgi/content/full/163/10/1806>).

¹² R i d g w a y N., K u k a r - K i n n e y M., M o n r o e K. An Expanded Conceptualization and a New Measure of Compulsive Buying. – «Journal of Consumer Research. An Interdisciplinary Quarterly», 2008, vol. 35, issue 4, pp. 622–639.

лю личного потребления в структуре конечного использования произведённого ВВП (табл. 1).

Комментируя эти данные, П. Кругман подчёркнул, что к моменту начала кризиса в США другие компоненты конечного спроса фактически перестали быть факторами, которые можно считать серьёзным ресурсом преодоления рецессии. Выход надо искать в «комбинации личных потребительских расходов и торгового дефицита». Именно налоговое стимулирование потребления при одновременном сокращении торгового дефицита легло в основу соответствующей части экономической программы Обамы. Это означает, что новый президент ориентируется не на лечение «шопингоголиков», а на то, что финансовая система США позволит им погрузиться в долги ещё глубже.

План финансовой стабилизации Т. Гайтнера – второе издание плана Г. Поулсона («исправленное и дополненное»)

Составной частью экономической программы Б. Обамы является использование 350 млрд. долл., оставшихся в наследство от администрации Буша по закону об экономической стабилизации, принятому в начале октября 2008 г. С целью стабилизации финансовых рынков этот закон предоставил министру финансов США право использовать часть средств федерального бюджета (700 млрд. долл.) для «выкупа» проблемных активов любого финансового института с их последующей реализацией в частном секторе американской экономики. (Свою половину – 350 млрд. долл. – администрация Буша израсходовала. Остальные 350 млрд. долл. – в рамках 2009 фин. г. – решением Конгресса были предоставлены администрации Обамы).

Главная возникшая проблема с реализацией этой программы свелась к тому, что едва она была обнародована, частный сектор, по сути, предъявил к оплате «токсичные отходы» своей деятельности в соотношении примерно 5 долл. пассивов финансовых учреждений, главным образом банков, на 1 долл. федеральных бюджетных расходов. С самого начала кризиса американские аналитики предупреждали, что, если на финансовых рынках будет нарастать паника, то в круг проблемных попадут ипотечные активы на сумму примерно 3,6 трлн. долл., и они могут быть предъявлены федеральному правительству для выкупа в самом ближайшем будущем. При этом подчёркивалось, что «чем больше правительство будет концентрироваться на приобретении ценных бумаг, которые трудно правильно оценить, тем больше оно будет переплачивать при совершении соответствующих операций»¹³. В этом случае операции по стабилизации финансовой системы постепенно трансформируются в механизм государственного субсидирования ряда сегментов финансового рынка, что может ещё больше дестабилизировать общую ситуацию на финансовом рынке США.

Эти опасения разделяет директор АБУ П. Орзаг, который считает, что «массированное вмешательство государства может породить ещё больше бан-

¹³ CBO. Testimony. Statement of Peter R. Orzag, Director, before the Committee on the Budget.. U.S. House of Representatives. Federal Responses to Market Turmoil, 24.09.2008. Wash., 2008, p. 8.

кротств крупных финансовых институтов, поскольку многие из них могут иметь большое количество проблемных активов, цены на которые явно завышены. И попытка установить “справедливые цены” только выявит факт, что эти институты, по сути, давно обанкротились. (И когда это выяснится, общим итогом может стать ещё больший обвал финансового рынка)»¹⁴.

Уже первые шаги по реализации плана приобретения проблемных финансовых активов заставили Минфин США переориентироваться с ипотечных бумаг на поддержку частных коммерческих банков, что, по мнению экспертов министерства, «в большей степени отвечает интересам долгосрочной стабилизации финансовой системы США». Первый опыт реализации программы также показал, что частный сектор «вчистую» переиграл Минфин США в оценке стоимости проблемных финансовых активов. Согласно вызвавшему большой скандал в стране отчёту, представленному Конгрессу, на первые потраченные 254 млрд. долл. федеральное правительство выкупило активов на общую сумму в 178 млрд. долл., и, таким образом, только по этому параметру «бюджетная дыра» составила 78 млрд. долл. Иными словами, на каждые 100 долл. «инвестиций» в финансово-банковский сектор правительство получило убытки в 30 долл. При этом наиболее удачно против федерального правительства сыграли крупнейшие американские банки, а также страховая корпорация «Америкен интернэшнл групп» (АИГ): продав правительству активы на общую сумму в 184,2 млрд. долл. (в том числе «Бэнк оф Америка» – на 15 млрд. долл., «Ситигрупп» – на 45 млрд., «Дж. Пи. Морган Чейз» – на 25 млрд., «Уэллс Фарго Ко.» – на 25 млрд., «Голдман Сакс групп» – на 10 млрд., «Морган Стэнли» – на 10 млрд. и АИГ – на 40 млрд. долл.), они получили чистую прибыль в 62,2 млрд. долл., или порядка 80% субсидий федерального правительства финансовому сектору американской экономики!¹⁵

Именно эти данные и вызвали крайне настороженное отношение американских экономистов и финансовых аналитиков к плану финансовой стабилизации, с которым 10 февраля выступил министр финансов Т. Гайтнер. И стоило только ему объявить о создании государственно-частного фонда по выкупу проблемных активов банков и других финансовых институтов на сумму от 500 млрд. до 1 трлн. долл. и о формировании по линии Министерства финансов фонда стимулирования кредитования частных финансовых институтов на сумму до 1 трлн. долл., который в свою очередь будет кредитоваться ФРС¹⁶, как в американской печати стали широко циркулировать данные о том, что финансовый сектор США готов предъявить «к оплате» ценные «токсич-

¹⁴ Ibid., p. 7.

¹⁵ Congressional Oversight Panel. February Oversight Report. 6.02.2009. Valuing Treasury Acquisitions. Wash., 2009, pp. 5, 7.

¹⁶ U.S. Department of Treasury. Secretary Geithner Introduces Financial Stability Plan. TG-18. 10.02.2009. Большая часть дебатов о необходимости национализации банков и ряда финансовых институтов была вызвана стремительным ухудшением балансов таких гигантов как АИГ, «Ситигрупп», «Бэнк оф Америка» и «Морган Стэнли». В частности, по итогам первого квартала 2009 г. АИГ объявила об убытках в размере 61,7 млрд. долл. и во избежание банкротства корпорации, которое наверняка сотрясло бы всю мировую финансовую систему, Министерство финансов в начале марта спешно выдало ей четвёртый по счёту транш в размере 30 млрд. долл., доведя общую сумму помощи из федерального бюджета для этой страховой корпорации до 163 млрд. долл.

ные» бумаги американских финансовых институтов на сумму до 15 трлн. долл.(!)¹⁷. Иными словами, план финансовой стабилизации администрации Обамы обернулся открытием ещё одного финансового «ящика Пандоры», справиться с «дурной бесконечностью» сюрпризов которого не хватит не то что финансовых ресурсов ФРС, но и всей мировой экономики. Именно в свете этих данных в США всё настойчивее стали раздаваться голоса, в том числе и влиятельных экономистов (например, Н. Рубини), о необходимости проведения частичной или полной национализации банковского сектора США.

Современные игры с финансовыми активами. Логику администрации Буша в последние месяцы её пребывания у власти и плана финансовой стабилизации Т. Гайтнера легче понять с позиций игрового механизма биржевой торговли, нежели федеральных нормативов регулирования деятельности финансовых институтов. США явно пытались сохранить конкурентные преимущества своего банковского сектора в мировой экономике, опираясь на 1) повышение рыночных оценок стоимости американских активов и на 2) эксклюзивные возможности вбрасывания в игру практически неограниченного количества долларов за счёт наращивания долговых пирамид, в том числе и государственного сектора.

В рамках этой стратегии США добивались того, чтобы:

- максимально большее количество залогопригодных активов постоянно торговались, и таким образом американский бизнес имел бы доступ к реальным мировым ценностям, представленным в виде готовых к продаже лотов;
- обеспечить себе полный контроль за соблюдением правил игры всеми игроками, за привлечением дополнительного капитала и расширением круга участников (в том числе контроль системы международных расчётов и сохранение выгодного для США механизма торговли важнейшими ресурсами);
- на аукционах американские участники занимали заведомо привилегированные позиции.
- информационное преимущество американских участников постоянно поддерживалось, расширялся онлайн-банкинг и поддерживались условия игровой конкуренции, при которых постоянно возрастающие массы денег (капиталов) конкурируя друг с другом, повышали бы рыночную стоимость торгуемых активов.

Для американцев риск – дело благородное, но при условии, что оно застраховано (т.е., заранее просчитана оптимальная стратегия выигрыша). Чтобы не остаться в накладе в «игре с чистым риском», такая стратегия состоит в том, чтобы вложить в игру достаточное количество денег, позволяющее много проиграть. Затем, выражаясь языком крупнейшего специалиста по играм, профессора П. Бернштейна, «схождение к среднему» обязательно выправит ситуацию и компенсирует проигрыш. Надо просто этого дожидаться¹⁸. Таким образом, победа в справедливой честной «игре с чистым риском» гарантирована американскому бизнесу просто потому, что он может позволить себе вбросить в игру большую сумму.

¹⁷ Grantham J. Obama and the Teflon Man, and Other Short Stories. Part 1. – «GMO Quarterly Letter», January 2009, p. 2.

¹⁸ Бернштейн П. Против богов: укрощение риска. М., 2000. с. 191.

Но влияющие на рынок события никак нельзя считать случайными, современную экономику никак нельзя считать справедливой и честной «игрой с чистым риском», скорее её можно назвать «игрой с грязным риском». Чтобы не проиграть в подобной игре, надо также иметь большие деньги. Но стратегия для американского бизнеса в этом случае иная – вкладывать деньги следует не столько в саму игру, сколько в подготовку максимально благоприятных условий, в которых она проходит, прежде всего в обеспечение надежного информационного и организационного преобладания одних участников над другими (иначе говоря, в создание ситуации целенаправленной информационной асимметрии).

При этом, используя упомянутые выше постиндустриальные технологии, необходимо добиться такого преимущества над партнёрами, которое исключит игру с равными шансами и обеспечит её организаторам «победу ещё до начала сражения».

Современная экономика США является, по сути, игровой экономикой, в которой фактор постоянно ускоряющегося технического прогресса всё быстрее изменяет если не правила, то условия игры (бизнеса). В принципе такая игра подобна футболу, в котором одной из команд разрешается в собственных интересах передвигать границы поля, изменять площадь ворот и вес мяча.

Конечно, игроки постоянно пытаются приспособиться к новым правилам, используют всё более совершенные и всё более изощрённые информационные и юридические технологии (особенно в сферах финансового и корпоративного менеджмента, информационной безопасности и деловой разведки), а в последнее время – и структуры федерального правительства. Однако, если темпы изменений очень высоки, абсолютное большинство участников игры не поспевает играть по изменившимся правилам. И не случайно, что умение игроков ориентироваться в обстановке и рассчитывать оптимальные стратегии в очень существенной, если не в определяющей, степени зависит от уровня находящегося в их распоряжении кадрового и информационно-технологического потенциала.

Разделим (условно) всех отстающих на две группы – «умных» и «глупых». Так называемые «умные» игроки *НИКОГДА* не выигрывают, поскольку они, как правило, слишком затягивают процедуру обоснования своих решений и просто не успевают сыграть¹⁹. Отсюда следует несколько парадоксальный вывод – *если игры в современной глобальной экономике достаточно масштабны и быстры, то умные (т.е. думающие о последствиях) всегда будут бедными*.

«Глупые» игроки обходятся без обоснования своих решений, принимающих быстро и наобум, по наитию, т.е. случайным выбором из предоставленных возможностей. Они *могут* случайно угадать и выиграть и очень надеются на это²⁰. Чтобы дискредитировать козыри «умных», достаточно игру резко ускорить; чтобы уменьшить вероятность выигрыша «глупых», надо многократно

¹⁹ Кроме того, задумываясь над каждым ходом, они, как правило, настраивают против себя всех остальных участников игры, раздражающихся из-за любой задержки. В некотором смысле «умные» игроки подобны обычным часам – они все время работают, но практически никогда не показывают точного времени.

²⁰ Как известно, стоящие (циферблатные) часы 2 раза в сутки показывают точное время.

расширить выбор предлагаемых вариантов, что и нашло своё выражение в принятии федеральной программы выкупа проблемных финансовых активов. Современные информационные технологии позволяют сделать и то, и другое – то есть навязать партнёрам, с одной стороны, чрезмерно высокую скорость игры, и с другой – чрезмерно широкий выбор способов вложения денег (иначе говоря, разнообразие погони за упущенной выгодой). Такие условия обрекают абсолютное большинство участников, как «умных», так и «глупых», на заведомый проигрыш. Проигрывают все, кто не успевает адаптироваться к быстро меняющимся правилам игры. *Конкурентоспособными в такой быстрой «игре в рыночную экономику» (с широкой палитрой трудно просчитываемых возможностей) могут быть только организаторы – инсайдеры, т.е. игроки, заранее знающие номера «счастливых билетов».*

Так, например, совсем недавно, в конце 2008 г., всю Америку потрясла 50-миллиардная афера «филантропа» и «проницательного инвестора» Бернарда Мэдоффа с финансовой пирамидой и индексом НАСДАК²¹. В 2007 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США завершила длившееся более года расследование случаев популярного мошенничества типа «*backdating*» – топ-менеджеры более 140 американских компаний, пользуясь своими связями, приобретали фондовые опционы растущих акций задним числом (когда они стоили дешевле)²². В октябре 2006 г. в США за мошенничество и торговлю инсайдерской информацией к 24 годам тюрьмы был приговорён бывший исполнительный директор компании «Энрон» Дж. Скиллинг. В марте 2005 г. французский апелляционный суд подтвердил приговор известному «международному финансисту» Дж. Соросу за использование инсайдерской информации в ходе приватизации французского банка «Сосьете женераль».

Список таких примеров можно продолжить. Здесь важно подчеркнуть, что инсайдерская информация позволяет располагающему ею предпринимателю хорошо «заработать» и, как правило, не считается инструментом совершения преступления, поскольку пострадавшим очень сложно подсчитать ущерб.

Одним из выдающихся современных инсайдеров, использовавших доступную государственную информацию, безусловно, можно считать бывшего шефа ФРС А. Гринспена. Не менее одиозно выглядит список лиц, которые, как утверждает Д. Бриоди в своей книге «Железный треугольник», были тесно связаны с инвестиционной компанией «Карлайл-групп», в том числе Дж. Буш-ст., бывший президент США; К. Пауэлл, бывший госсекретарь; Ф. Карлуччи, бывший помощник президента по национальной безопасности; Дж. Бейкер III,

²¹ Уже упоминавшийся П. Кругман назвал современную финансовую систему США «экономикой Мэдоффа», указав, в частности, что доля сферы финансовых услуг в ВВП США в настоящее время составляет 8%, из которых не менее 3%, или 400 млрд. долл., и являются той суммой, которую «умники» ежегодно надеются выиграть у «дураков»; оборот этих абсолютно фиктивных финансовых средств в экономике и явился, по его мнению, важнейшей причиной мирового финансового кризиса, поскольку колоссальные личные состояния богачей подрывают «чувство реальности» (K r u g m a n P. The Madoff Economy. – «The New York Times», 19.12.2008).

²² См.: «Бизнес-Россия», 2007, № 23. Этот скандал начался со статьи «The Perfect Payday» в: «The Wall Street Journal», 18.03.2006. По мнению авторов публикации, (<http://www.msnbc.msn.com/id/16488399>), в него было вовлечено более 200 компаний.

бывший госсекретарь; К. Уайнбергер, бывший министр обороны; А. Левит, бывший глава Федеральной комиссии по ценным бумагам; Дж. Мэйджор, бывший премьер-министр Великобритании; Ф. Рамос, бывший президент Филиппин; Пак Тай Джун, бывший премьер-министр Южной Кореи²³.

Глобализационные процессы не позволяют считать современную национальную экономику «игровой системой с нулевой суммой», в которой сумма выигрыша одних равняется сумме проигрыша других. В современной экономике США, играющей по принципу «победитель получает всё», выигрыши видны значительно лучше проигрышей, а деньги часто как будто просто «падают с неба», а потому выяснить, кто при этом остаётся в дураках, подчас очень не просто. Это требует специального экономического анализа одного из ключевых вопросов современности, а именно: кто и в какой мере страдает от наращивания долговой пирамиды во всех секторах американской экономики?

В этом контексте и академическим экономистам, и всем участникам игры за финансовые ресурсы стоит вспомнить любимую поговорку одного из крупнейших современных американских магнатов У. Баффета: «Если вы уже полчаса играете (в покер) и ещё не поняли, кого из играющих держат за дурака, знайте – этот дурак вы сами». Всем этим партнёрам и конкурентам надо учитывать, что они никогда не смогут переиграть тех людей, которые управляют финансовыми потоками, существенно превосходящими бюджеты многих стран мира. Потому что такие средства позволяют этим людям менять в соответствии со своими интересами если не правила, то, по крайней мере, условия игры. Потому что эти люди умеют минимизировать свои риски, а их интегральный выигрыш в большей мере зависит от самого факта продолжения хорошо организованной игры, а не от её конечного исхода.

Специалисты неоднократно обращали внимание на то, что постоянные инновации в области онлайн-интернет-банкинга обгоняют правовую базу и возможности стабилизации финансовых рынков даже в развитых государствах (не говоря уже о странах с переходной и развивающейся экономикой).

Такую игру всё время «как бы не успевают запретить», так как проигравшая сторона постоянно не успевает подсчитать свои потери, что парализует знаменитую «невидимую руку рынка» и существенно дестабилизирует мировой финансовый рынок. *Фактически нестабильный международный финансовый рынок в настоящее время стал устойчивой нормой (и самостоятельной политэкономической категорией!).* И дело тут не в конкретных «кредитных свопах», за которыми А. Гринспен не успевал уследить – вместо них финансовые профессионалы обязательно придумают какой-нибудь иной легальный (пока не запрещённый) метод размножения долгов и приумножения финансового капитала. На этом фоне (в условиях отстающего регулирующего законодательства абсолютного большинства стран мира) у США и возникла уверенность в том, что их организационных преимуществ, в том числе и в сфере финансовых компьютерных технологий, будет вполне достаточно для успешной реализации избранной игровой стратегии.

²³ Briody D. The Iron Triangle: Inside the Secret World of the Carlyle Group. Englewood (N.Y.), 2003, pp. XIV–XX.

В самом деле, при высокой скорости оборота денег и доступности кредитов накопление (= замораживание) финансовых средств в собственных целевых фондах американские компании считают неконкурентоспособным решением. И на ремонт, и на модернизацию производственного оборудования они ищут средства не в собственном амортизационном фонде, а на кредитном рынке. Часто даже оборотные средства компаниям выгоднее формировать с помощью краткосрочных кредитов (например, платить заработную плату из заёмных средств). Фактически в реальной экономике произошло вымывание собственных средств компаний, что привело *к их жёсткой зависимости от банков. Без кредитов современный бизнес – и современные политические системы! – нормально функционировать не могут.*

Это означает, что ограничение доступности кредитов эквивалентно лимитированию основных факторов производства. Образно говоря, для современной экономики, построенной на игровых принципах, ограничение кредитов подобно применению нейтронной бомбы: финансовые институты и производственные корпорации реального сектора экономики умирают, несмотря на сохраняющийся конкурентоспособный технологический и производственный потенциал. Соответственно, *главным инструментом (если не главным оружием) конкурентной борьбы стало регулирование финансовой сферы, в том числе и кредитов с помощью рейтингового механизма.*

В этих условиях принятие масштабных, но лишённых «информационной прозрачности» государственных программ поддержки финансового и реального секторов экономики становится разновидностью игровой стратегии прежде всего мировых финансовых центров. В сентябре 2008 г. представитель Минфина США с «провинциальной» простотой сообщил о Чрезвычайном плане экономической стабилизации, что «в его основу не были положены какие-то конкретные расчёты – просто мы остановили свой выбор на действительно поражающем воображение числе»²⁴. Скорее всего, так же была определена и «аукционная цена» экономического плана Б. Обамы («Даю на 100 млрд. долл. больше!»), который представляет собой не более чем разновидность «политического кредита доверия» в сумме почти в 0,8 трлн. долл., выданного 44-му президенту США.

Ключевая проблема инвестиционной стратегии Б. Обамы

Второй составляющей экономического плана президента Обамы является программа инвестиций и бюджетных вливаний в различные отрасли инфраструктуры американской экономики (около 500 млрд. долл.) *Первое* направление бюджетных расходов в сумме 144 млрд. долл. – дотации из федерального бюджета штатным и местным органам власти на поддержание социальных программ в сферах здравоохранения и образования; *второе* – инвестиции в различные отрасли инфраструктуры, главным образом в национальную автодорожную систему, в также в финансирование научных исследований и раз-

²⁴ Forbes.com, 23.09.2008.

работок в сумме 111 млрд. долл. В рамках этого направления предполагается также повысить систему безопасности в 90 морских и речных портах, соорудить 1300 новых систем канализации, модернизировать и создать 380 новых систем водоснабжения и построить в сельской местности 1000 систем водоснабжения и канализации, которые будут удовлетворять потребностям примерно 1,5 млн. человек.; *третье* – помощь безработным и расширение медицинского обслуживания малоимущих слоёв населения на сумму 81 млрд. долл.; *четвёртое* – научно-техническое перевооружение американского здравоохранения, оснащение больниц, поликлиник, частных практикующих врачей новейшим медицинским оборудованием, компьютерными технологиями и нанотехнологиями на сумму 59 млрд. долл.; *пятое* – расширение и модернизация 10 тыс. школьных зданий и сооружений, оснащение их современной компьютерной техникой (общие расходы на сумму 53 млрд. долл.); *шестое* направление – «создание зелёной технологии», а именно сбережение энергии в государственном секторе путём внедрения в зданиях и сооружениях новых отопительных систем и энергосберегающего, в том числе осветительного, оборудования (ассигнования 43 млрд. долл.). Администрация предполагает профинансировать установку в 40 млн. американских домовладений новых, более эффективных электросчётчиков, а также проложить почти 5 тыс. км новых линий электропередач. И, наконец, на долю всех прочих проектов предусмотрены бюджетные расходы в 8 млрд. долларов²⁵.

Планы массированных вложений в инфраструктуру заставили американцев говорить о сходстве подхода администрации Обамы с действиями администрации Ф. Рузвельта в период «Великой депрессии» 1930-х годов. Известный американский экономист А. Розен, специально изучавший опыт Японии по преодолению депрессии в японской экономике в 1990-е годы, отметил: «Правительство США абсолютно правильно инвестирует в развитие инфраструктурных отраслей экономики... Исторический опыт показывает, когда фискальная политика хорошо продумана и применяется целенаправленно, она оказывалась очень успешной. Так, в 1930-е годы многое было сделано в рамках программ "Нового курса", ориентированных на модернизацию инфраструктуры»²⁶.

Вместе с тем надо признать, что инвестиции в инфраструктурные отрасли экономики не дадут быстрой отдачи – они скорее рассчитаны на среднесрочную и долгосрочную перспективу и ощутимо скажутся на экономике США не ранее 2010 г. Так, программа экономии потребления энергии была разработана и активно проводилась в жизнь ещё при администрации Картера (1977–1981 гг.). И хотя многие американские экономисты поддерживали это начинание, при Р. Рейгане программа была «тихо свёрнута» и не в последнюю очередь потому, что она была рассчитана на долгосрочный, а не сиюминутный конъюнктурный эффект. Развитие телекоммуникационной инфраструктуры представляет собой возрождение концепции «новой экономики», проводившейся в жизнь в 1990-е годы администрацией Клинтона.

²⁵ <http://www.RECOVERY.gov>.

²⁶ The Impact of a Fiscal Stimulus Program. Peterson Institute for International Economics, 12.12.2008 (<http://www.iie.com>).

Принципиально важно оценить План американского возрождения и инвестиций, его стимулирующее влияние на состояние американской экономики в 2009–2010 гг. и ряд последующих лет. Оценки, выполненные БУК, свидетельствуют о том, что этот план скорее ориентирован на то, чтобы удержать экономику США «на плаву» в течение ближайших двух лет, нежели добиться коренного перелома в темпах экономического роста начиная с 2010 г. Как это принято в настоящее время в прогностических оценках подобного рода, БУК подготовило два возможных варианта воздействия на экономику США (пессимистический и оптимистический). Согласно пессимистическому варианту, в 2009 г. реальный ВВП увеличится всего на 1,4 %, согласно оптимистическому – на 3,8%. Если исходить из среднеарифметических темпов роста американской экономики в 2009 г. на основе этих двух оценок, то вклад плана Обамы в темпы роста составит 2,6%, в то время как прогнозируемые темпы падения реального ВВП могут достигнуть в 2009 г. не менее 2,2%, и, таким образом, при прочих равных условиях, к началу 2010 г. администрация Обамы сможет рапортовать о росте реального ВВП не более чем на 0,4% (2,6% – 2,2%).

В 2010 г. стимулирующий эффект Плана американского возрождения и инвестиций будет проявлять себя в меньшей степени (при пессимистическом варианте темпы роста реального ВВП может составить 1,1%, при оптимистическом – не более 3,3%). Таким образом, среднеарифметические темпы роста реального ВВП в 2010 г. не превысят 2,2% при том, что вклад плана Обамы в увеличение дефицита федерального бюджета в 2010 фин. г. будет максимальным и составит не менее 400 млрд. долл. В 2011–2012 гг. влияние плана Обамы на развитие экономики США постепенно сойдёт на нет.

Два других показателя, приводимые в прогностической оценке БУК, скорее подтверждают высокую степень реализации пессимистического сценария, нежели оптимистического. В частности, даже в случае реализации оптимистического сценария, США так и не удастся ликвидировать потери в своём потенциальном ВВП (производимом при максимально возможной степени использования капитальных и трудовых ресурсов). Даже при самой благоприятной экономической конъюнктуре потери в потенциальном ВВП составят в 2009 г. не менее 3,9%, а в 2010 г. – не менее 3,2%²⁷.

Озабоченность Б. Обамы политическими аспектами Плана американского возрождения и инвестиций предопределила первоочередную оценку количества рабочих мест, которые могли бы быть созданы в результате его реализации. Уже 9 января назначенная председателем Экономического совета при президенте США К. Ромер (вместе с Дж. Бернштейном) оперативно подготовила расчёты, согласно которым реализация плана Обамы позволит создать к 2010 г. всего 3,7 млн. рабочих мест²⁸, однако это увеличение позволит в самом лучшем случае сократить норму безработицы в 2009 г. до 7,7% численности рабочей силы, в 2010 г. – до 6,8%, в 2011 г. – до 6,5% и в 2012 г. – до отметки в 6,0%, в то время как среднегодовая норма безработицы в США в период 2001–2007 гг.

²⁷ CBO. Estimated Macroeconomic Impacts of H.R. 1 as Passed by the House and by Senate. 11.02.2009, p. 5; CBO. Letter to Honorable N. Pelosi. 13.02.2009. Table 1 (<http://www.cbo.gov>).

²⁸ Romer C. and Bernstein J. The Job Impact of the American Recovery and Reinvestment Plan, 9.01.2009, p. 4.

составила 5,2%.²⁹ Показатель безработицы, возможно, является самым лучшим свидетельством того, что План американского возрождения и инвестиций должен скорее предотвратить реализацию катастрофического сценария в развитии экономики США, нежели стать фактором коренного перелома в тенденциях её развития в начале второго десятилетия XXI века.

По всей видимости, критически важным как для американской, так и мировой экономики окажется 2010 год. Согласно официальному «оптимистическому» прогнозу АБУ, опубликованному в конце февраля, администрация Обамы ожидает положительных темпов роста американской экономики в следующем году – вплоть до 3,2%³⁰. Аналогичную позицию заняла и ФРС, которая в своём докладе о проводимой ею монетарной политике, также представленном Конгрессу в конце февраля, дала прогноз, согласно которому темпы роста реального ВВП в 2010 г. могут составить 2,5–3,3%³¹. В своём выступлении в Конгрессе 24 февраля 2009 г. председатель ФРС Б. Бернанке, сроки полномочий которого истекают в феврале 2010 г., решил сыграть ва-банк, поставив на карту всю свою репутацию и безапелляционно заявив: «Есть все основания говорить о том, что нынешняя рецессия закончится в 2009 г. и что 2010 год станет годом экономического подъёма»³².

Однако буквально через несколько дней произошли два события, которые лишний раз доказали, что экономические гуру в Вашингтоне скорее выполняют роль психотерапевтов для мировых фондовых площадок и политического руководства тех стран, которые спят и видят, когда они смогут «прицепить свои экономические вагонетки» к начавшему набирать скорость локомотиву американской экономики. Публикация подготовленного АБУ первого, ещё сырого, проекта федерального бюджета на 2010 фин. г., отчётливо показала, во всяком случае искушённым аналитикам Уолл-стрит, что вплоть до конца первого срока пребывания в Белом доме Б. Обамы бюджетные дефициты будут составлять ежегодно не менее 1 трлн. долл., и, скорее всего, порядка 2 трлн.³³, т.е. больше 10% ВВП, что в американской экономической истории после 1929 г. наблюдалось всего 4 раза, да и то в период Второй мировой войны в 1942–1945 фин. гг. Буквально на следующий день после широко-вещательного представления администрацией Обамы первого бюджета, Бюро экономического анализа США опубликовало скорректированные данные о развитии американской экономики в 2008 г., из которых стало ясно, что в четвёртом квартале 2008 г. падение реального ВВП составило беспрецедентные 6,2% ВВП США, а всего в течение 2008 г. реальный ВВП США уменьшился на 0,8%³⁴.

Американские, а вслед за ними и мировые биржи в очередной раз рухнули до рекордно низких отметок, и Б. Бернанке мгновенно появился в Конгрессе,

²⁹ Рассчитано по: Economic Indicators. January 2009. Wash., 2009, p. 11.

³⁰ A New Era of Responsibility. Renewing American Purpose. Wash., 2009 p. 132.

³¹ Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report to the Congress, 24.02.2009, p. 38.

³² Testimony of B. Bernanke before the Committee on Banking, Housing and Urban Affairs, U.S. Senate. Semiannual Monetary Policy Report to the Congress, 24.02.2009 (<http://www.frs.gov>).

³³ A New Era of Responsibility..., p. 115.

³⁴ Gross Domestic Product: Fourth Quarter 2008 (Preliminary), 27.02.2009. BEA 09-05, p. 3.

дав ясно понять американским сенаторам и конгрессменам, которые вскоре должны были приступить к рассмотрению бюджетной заявки администрации Обамы, что либо контролируемый демократами Конгресс встанет на путь урезания непомерных бюджетных appetites Вашингтона, либо с перспективами стабилизации мировых финансовых рынков придётся в самом ближайшем будущем распрощаться надолго, если не навсегда.

Суть стратегии Б. Обамы по выведению экономики США из кризисного состояния ясна – это поиск *ведущей отрасли или группы отраслей*, способных стать локомотивом развития американской экономики на ближайшую обозримую перспективу, стать фактором её структурного перехода на новый технологический уклад. С этих позиций перспективы экономической стратегии Б. Обамы и в краткосрочном, и в долгосрочном плане выглядят мрачно. По нашему глубокому убеждению, нынешний финансовый кризис стал прямым следствием того, что *все предыдущие «локомотивы» ускоренного экономического роста США исчерпали свой потенциал и перестали играть роль ведущих отраслей экономики.*

В 1930-е годы инфраструктурные проекты не стали «локомотивами» выведения американской экономики из кризиса именно потому, что государственный спрос не был дополнен частными инвестициями. Как известно, администрация Ф. Рузвельта вложила огромные средства в развитие электроэнергетики, не без основания полагая, что дешёвая электроэнергия будет способствовать насыщению американских домовладений бытовой электротехникой. Однако на практике бытовая электротехника оставалась чрезвычайно дорогой – у частных производителей не было достаточных инвестиционных ресурсов для её массового производства, а у частных финансовых структур – достаточных средств для предоставления рабочим и служащим потребительского кредита. В результате, «несмотря на все средства, инвестированные в инфраструктурные объекты в 1930-е годы, администрации Ф. Рузвельта так и не удалось выделить в частном секторе экономики какую-либо ведущую отрасль». Поэтому акцент на развитие инфраструктурных отраслей «в период, когда американская экономика отступает на всех фронтах, как это было в 1930-е годы и как это, по-видимому, имеет место в настоящее время»³⁵, может не оправдаться.

Ещё в начале XXI века аналитики МВФ установили, что эффект от информационной революции 1990-х годов оказался не столь продолжительным (в сравнении с техническими революциями XVIII–XX веков в ткацком производстве, паровой энергетике, развитии железных дорог, электроэнергетике, эффект от которых растягивался на несколько десятилетий или даже на целое столетие). «По сравнению с предыдущими научно-техническими прорывами весь экономический эффект от революции в информационных технологиях экономика отыграла гораздо быстрее»³⁶.

³⁵ A Trap in Obama's Spending Plan. – «The New York Times», 21.12.2008.

³⁶ IMF. World Economic Outlook. October 2001. The Information Technology Revolution. Wash., 2001, p. 108.

Таблица 2

**Сокращение числа первичных подрядчиков
по видам вооружений США в 1990–1998 гг.**

Виды вооружений	Сокращение подрядчиков
Тактические ракеты	с 13 до 4
Стратегические ракеты	с 3 до 2
Пусковые комплексы	с 6 до 2
Самолёты	с 8 до 3
Вертолёты	с 4 до 3
Надводные корабли	с 8 до 3
Колесная бронетехника	с 6 до 4
Гусеничные боевые машины	с 3 до 2
Аэрокосмическое электронное оборудование	с 8 до 3

Report to Congressional Committees, April 1998 «Defense Industry»; Consolidation and Options for Preserving Competition, GAO/NSIAD-98-141. Appendix I. «Defense Market Sectors», Table I.1: Prime Contractors in Defense Market Sectors (1990-98). p. 10.

В 1940-е годы переход на новый технологический уклад в экономике США произошёл благодаря наукоёмким отраслям военно-промышленного комплекса (ВПК). По сути, вплоть до окончания «холодной войны» в начале 1990-х годов ведущей сферой американской экономики, «локомотивом» научно-технического прогресса в её реальном секторе была оборонная промышленность США. Реорганизация (конверсия) американского ВПК, проведённая в 1993–1999 гг. администрацией Клинтона методами корпоративных преобразований (слияний и поглощений), нанесла удар по конкурентным возможностям оборонных отраслей. Произошло резкое сокращение числа головных подрядчиков, которое затронуло десять из 12 оружейных рынков, идентифицируемых Пентагоном в качестве ведущих в системе обеспечения национальной безопасности. Масштабы произошедшей консолидации (число подрядчиков уменьшилось с 59 до 26) можно считать беспрецедентными (см. табл. 2).

К началу 2000-х годов количество головных военных подрядчиков сократилось ещё более, и в настоящее время составляет всего 6 корпораций, в результате чего уровень концентрации производства в американской оборонной промышленности стал выше, чем когда-либо после Второй мировой войны. Экономический потенциал головных подрядчиков Пентагона сильно пострадал и даже спустя 10 лет ВПК так и не оправился, хотя после событий 11 сентября 2001 г. и развёртывания глобальной войны с терроризмом администрация Буша целенаправленно использовала оборонку в качестве ведущей отрасли для выведения экономики из рецессии 2001 года.

Ассигнования контракторам Пентагона возросли в 2,5 раза – со 124 млрд. долл. в 2000 фин. г. до 300 млрд. в 2009 фин. г.³⁷, однако количест-

³⁷ Statistical Abstract of the United States 2008, p. 330.

Таблица 3

**Структура и эффективность основных программ
производства вооружений США в 2000–2007 фин. гг.**

	2000	2005	2007
Структура портфеля оборонного заказа			
Количество программ	75	91	95
Объём оборонного заказа (в трлн. долл. 2008 г.)	0,79	1,5	1,6
Объёмы невыполненных работ, млрд. долл.	380	887	858
Эффективность реализации портфеля оборонного заказа			
Превышение стоимости реализации программ:			
– <i>относительное, %</i>	6	18	26
– <i>абсолютное, млрд. долл.</i>	42	202	295 .
Доля программ с удельным ростом производственных издержек более чем на 25%	37%	44%	44%
Средняя величина сроков задержки реализации программ, месяцев	16	17	21

GAO. Defense Acquisitions. Results of Annual Assessment of DOD Weapon Programs. April 29, 2008. GAO-08-674T. Wash., 2008, p. 2.

во головных подрядчиков не увеличилось. В последнем докладе Главного контрольно-финансового управления США (ГКФУ), отмечено, что этот фактор «крайне ограничил способности Министерства обороны в максимальной степени использовать конкурентный механизм для снижения издержек и стимулирования нововведений»³⁸. В итоге в системе ВПК возникла картина, типичная для гонки вооружений времён «холодной войны» – **не менее четверти прироста «оборонного заказа» постоянно трансформируется в приращение стоимости выпускаемых систем вооружения**, одновременно заметно откладываются сроки завершения программ создания основных систем вооружения. При этом (на дату проверки) ни одна из 72 проверенных ГКФУ основных программ производства вооружений в США не соответствовала «новейшим технологическим, конструкторским и производственным стандартам, обеспечивающим снижение производственных издержек, ритмичность производственных процессов и конечную эффективность»³⁹. Это означает, что **в настоящее время ВПК США не способен выступать в роли экономического лидера**, формирующего критерии для подражания для других отраслей американской экономики (см. табл. 3).

³⁸ Defense Acquisitions. Better Weapon Program Outcomes Require Discipline, Accountability, and Fundamental Changes in the Acquisition Environment, 3.06.2008. GAO-08-782T. Wash., 2008, p. 12.

³⁹ Defense Acquisitions. Results of Annual Assessment of DOD Weapon Programs, 29.04.2008. GAO-08-674T. Wash., 2008, p. 2.

При анализе табл. 3 следует обратить внимание на то, что увеличение оборонного заказа в период пребывания у власти предшествующей администрации составило почти 1 трлн. долл., что существенно превышает объём финансирования всего плана Б. Обамы.

Это сопоставление имеет чёткую политическую окраску. В качестве итоговой рекомендации ГКФУ предложило внести в систему военных закупок фундаментальные изменения⁴⁰. По нашему мнению, это означает, что администрация Обамы начнёт (не афишируемое в условиях продолжающейся глобальной войны с терроризмом) планомерное уменьшение военного бюджета США (что в своё время сделал У. Клинтон). В частности, предполагается, что уже в течение 2009 фин.г. прямые военные расходы будут сокращены примерно на 100 млрд. долл., в том числе по статье «закупки военной техники» – со 130 до 106 млрд. долл., или почти на 20%, а вся доля военного бюджета США в ВВП предположительно упадёт с нынешних 4,0% до 3,1% в 2013 фин. г.⁴¹ По всей видимости, нынешний этап наращивания военной мощи США, развёрнутый республиканской администрацией Дж. Буша после событий 11 сентября 2001 г., закончился.

«Квадратура круга» современной экономики США

Глобализация фундаментальным образом изменила схему воспроизводства капитала. Теперь наличные деньги, попадая в различного рода банки и инвестиционные фонды, идут прежде всего на повышение стоимости акций и облигаций, эмитируемых этими финансовыми институтами. Интернационализация экономических систем, наиболее заметно проявившаяся в финансовой сфере, добавила в эту схему зарубежные средства, а распространение в сфере денежных расчетов новых информационных технологий и Интернета резко ускорило обращение электронных платёжных средств в глобальных масштабах. Все это привело к возникновению огромной массы высококомобильного свободного финансового капитала (кредитных ресурсов). Накопление капитала в США пошло столь быстрыми темпами, что обеспечить его дальнейшее приумножение с помощью традиционных экономических средств стало практически бессмысленным.

В 1999 г. был принят закон «О модернизации финансовой системы», известный как закон Грэмма – Личи – Блайли (P.L. 106–102), и были сняты введенные в 1933 г. фундаментальные ограничения на финансовые спекуляции любой экономической структуры (включая предприятия и фирмы реального сектора экономики). Фактически закон 1999 г. открыл дорогу для масштабной капитализации путём размножения долговых обязательств, но уже на новой технологической основе.

⁴⁰ GAO Highlights. Defense Acquisitions. Fundamental Changes Are Needed to Improve Weapon Program Outcomes, 25.09.2008.

⁴¹ A CBO Paper. Long-Term Implications of the Fiscal Year 2009 Future Years Defense Program. January 2009, pp. 3–4.

Вследствие интенсификации деловой активности и расширения конкурентных возможностей важной особенностью инвестиционного механизма экономики явилось то, что время оборота основной массы вложенных в неё капиталов оказалось значительно меньше обоснованного с технологической точки зрения. Стало правилом, что *за время создания и амортизации фондов основной капитал корпораций и фирм многократно перепродается по иллюзорным ценам и в результате теряет потенциал работы на реальный сектор экономики.*

В известном смысле полноценное воспроизводство основного капитала потеряло экономическую целесообразность, поскольку зачастую победы в конкурентной борьбе добивался не тот, кто располагал более мощным экономическим потенциалом, а тот, кто, опираясь на своё рейтинговое превосходство, оформлял более выгодный кредит и с его помощью поглощал неконкурентоспособного конкурента.

Для обслуживания обращения большего объёма финансовых ресурсов понадобились новые более мощные и высокопроизводительные финансовые и организационные технологии. Их применение резко ускорило обращение капитала и существенно повысило эффективность его использования по сравнению с инвестиционными проектами, традиционными для реального сектора экономики (связанными со строительством предприятий и освоением новой продукции и/или услуг).

Приращение капитала, получившего возможность накапливаться в отрыве от производственной сферы, обеспечивается виртуально, в отрыве от реальных ресурсов. Широкое распространение финансовых технологий, обеспечивающих возрастание капитала в отрыве от развития реального сектора экономики, привело к тому, что *в последние 20 лет финансовая сфера превратилась в ведущий сектор американской, а вслед за ней и мировой экономики.*

С этой точки зрения важнейшей инновацией последних 10–15 лет, сопоставимой по значимости с Интернетом, следует считать широкое распространение виртуальных денег, а также финансовую технологию секьюритизации долгов (которые теперь «по-умному» надо не отдавать, а передавать, и заниматься этим должен не должник, а кредитор). Иначе говоря, по масштабности влияния на экономику наибольшее значение имеют *«инновационные технологии массового размножения капиталов».*

В современном мире жёсткая технологическая и торговая конкуренция, а также многочисленные политические и экологические ограничения подталкивают финансовых менеджеров к простейшему способу получения «прибыли» – брать долг и не отдавать его. (Во многих странах взятые в долг суммы считаются подлежащей налогообложению прибылью!) Последние 10–15 лет американское государство (через ФРС) не только постоянно печатало деньги, но и не препятствовало массовому распространению частных денег (обращению долговых обязательств частных компаний). И таких эмитированных частными банками денег стало многократно больше, чем «нормальных». Как объяснил Г. Тауэс, управляющий Центральным банком Канады, *частные банки создают*

*новые платежные средства из денег, которые они ссужают заёмщику, т.е. не из тех денег, которые у банка уже есть, а из тех, которых у него пока нет. Другими словами, в качестве залога под новые деньги используются не резервы или доходы банка, не деньги вкладчиков, а ещё не выплаченные банку долги. Фактически такие **новые деньги возникают из расписки-обязательства должника вернуть банку долг с процентами.***

Новые информационные технологии резко упростили и ускорили процедуру предоставления кредита, благодаря чему при А. Гринспене в системе государственных финансов США произошёл форменный «антигосударственный» переворот, смысл которого состоит в том, что ***Уолл-стрит, по сути, приватизировала ФРС и заставила её работать с невиданной ранее производительностью.*** Масштабы этой деятельности настолько подавили эмиссию обычных наличных денег, что макроэкономическое регулирование финансовой системы США лишилось всякого смысла.

В условиях, когда показатели мировых фондовых и валютных рынков изменяются чуть ли не ежечасно, если не сотни раз в день, работа с инвестиционными портфелями клиентов резко усложняется. Такая работа требует принятия оперативных решений, и выполнить её вручную невозможно. Распространение в банковско-финансовой сфере современных информационных и коммуникационных технологий позволило финансовым учреждениям – главным менеджерам современной Америки – использовать компьютерные стратегии. В США для капитала созданы условия, когда он, опережая конкурентов, способен очень быстро менять свою форму, то есть практически в реальном масштабе времени без потери стоимости успевать «перетекать» из одних активов в другие; при этом эти операции совершаются не только в национальных, но и в глобальных масштабах.

Подобная сверхмобильность стала конкурентным преимуществом американского финансового капитала, позволяющим ему своевременно находить и использовать любые возможности, в том числе и спекулятивные, в масштабах глобальной экономики. Более того, соответствующие компьютерные программы позволяют «прокручивать» уникальные сделки купли и продажи инвестиционных инструментов, и, опережая рынок, «играть» на моментальных изменениях в доходности приобретаемых акций и ставке процента по кредиту, взятому на их покупку. Такие программы – «финансовые роботы» – способны круглые сутки абсолютно легально сканировать мировую финансовую систему в поисках дешёвых кредитов и выгодных финансовых инструментов в глобальных масштабах. При этом поиск приемлемых вариантов происходит с электронной скоростью.

Такого рода «технологические возможности» предопределили превращение финансовой сферы в ведущую отрасль экономики США. Трансформировался и характер инфляции, поскольку ведущей стала не инфляция потребительских цен, а так называемая «инвестиционная инфляция», при которой возрастает рыночная (залоговая) цена накопленных активов (будь то недвижимость, товарные запасы, акции или иная собственность), иначе говоря, когда имуще-

ство не столько приумножается количественно, сколько дорожает! В этих условиях ликвидность активов (их капитализация) стала преобладать над объективными ресурсными и технологическими факторами, а потому темпы расширения виртуального капитала стали многократно опережать динамику роста реальной экономики. В этом контексте развитие экономики стало отражать не столько рост производства и благосостояния населения, сколько повышение конъюнктурной стоимости неких лотов (залогов), причём независимо от их реальной (объективной) цены.

В случае *инвестиционной инфляции капитал в основном наращивается* не путём капитализации прибыли, полученной в результате производства, *а путём капитализации доходов, получаемых от управления активами*. Возникают нетрадиционные возможности использования залогопригодной собственности (имущества) – её не потребляют, а буквально «доят». При этом *все владельцы такой собственности превращаются в суперрантье!*

Поведение абсолютного большинства приобщившихся к этой стратегии потребителей по мере роста их благосостояния вышло за рамки чисто потребительских ориентиров и всё в большей степени приобрело инвестиционно-спекулятивную ориентацию, что явилось логическим следствием превращения финансовой сферы в ведущую отрасль экономики. Если символами предыдущего периода развития экономических систем, когда «локомотивом» служил реальный сектор, были учёные, инженеры, высококвалифицированные работники, то символами современной эпохи стали «инвесторы» и банкиры, которые в прежние времена считались ростовщиками и спекулянтами. Всё более широкий круг потребительских товаров становится так называемыми товарами-«сокровищами». Такие товары должны предотвратить обесценение средств, затраченных на их приобретение, поскольку со временем они (подобно драгоценностям) не теряют своей ликвидности и сохраняют высокий имидж до очередной смены владельца⁴².

Можно сказать, что в американской экономике начала XXI века практически все её сегменты – государство, бизнес, рядовые потребители и даже бесприбыльные учреждения, такие как благотворительные фонды, – постоянно занимаются приумножением капитала и вольно или невольно превратились в инвесторов-«спекулянтов», постоянно закладывающих и перезакладающих своё имущество и постоянно не успевающих расплатиться по своим долгам. Соответственно, и население, и бизнес стали предъявлять повышенный спрос на финансовые услуги, так или иначе связанные с сохранением и приумножением капитала, что явилось важным дополнительным фактором привилегированного положения, которые стали занимать в экономической системе финансовые институты и учреждения.

Уже в начале 2000-х годов специалисты обращали внимание на то, что широкое применение банками и другими финансовыми институтами компью-

⁴² Роговский Е.А. Развитие информационного сектора США к началу XXI века. – «США ♦ Канада», 2002, № 4.

терных технологий секьюритизации долгов порождает особый синергетический эффект, который может обрушить рынок ценных бумаг.

Наращивание долгов можно считать той самой «критической технологией», которая, с одной стороны, обеспечила экономическое доминирование США, а с другой – нанесла самый сильный удар по реальному сектору американской экономики, дестабилизировав и саму финансовую систему. И основной вклад в это внесла инвестиционная инфляция, поскольку ФРС и в 1990-е годы, и в начале 2000-х годов в качестве главного показателя – основы для регулирования американской экономики – использовала исключительно показатели потребительской инфляции, хотя возникновением печально известных «пузырей» именно экономика США обязана инвестиционной инфляции.

Однако было бы ошибочным считать, что «нынешний кризис – часть традиционного бизнес-цикла», теория которого была разработана ещё в 1960-е годы известным американским экономистом Х. Мински (1919–1996 гг.). Формально нынешний мировой финансовый кризис развивался по схеме, которая может быть уложена в семь фаз⁴³, но мировым он стал именно по причине того, что финансовая сфера США стала ведущей отраслью экономики, оказавшейся в состоянии совершить «финансово-экономический переворот» в глобальных масштабах.

Понадеявшись после окончания «холодной войны» на положение единственной сверхдержавы, Америка явно переоценила своё «финансовое обаяние», и её нервная система просто не выдержала чрезмерного напряжения от всех этих «расписок на расписки, векселей на векселя, секьюритиз на долги» и других видов спекулятивных финансовых операций. Фактически переход контроля над размножением подобных платёжных средств в руки частных финансовых учреждений, связанных между собой глобальной паутиной интернет-технологий, и стал одной из главных причин мирового финансового кризиса. По существу, произошло классическое обрушение финансовой пирамиды, надутой в глобальных масштабах частными финансовыми структурами. Объём капитала, желающего поиграть в эти игры, превысил абсорбирующие возможности мировой кредитно-финансовой системы. Стремление возводить дальнейшие этажи и перекрытия «финансового Вавилона начала XXI века» обернулось тем, что конкурентная борьба на рынке инвестиционных инструментов обострилась до предела, а переполненные деньгами банки стали размещать на фондовых рынках бумаги сомнительной ценности. В ход шли всё менее надёжные из них, в том числе нестандартные (не обеспеченные залогами) кредиты, а также такие организационные новации, как непрозрачные оценки международных рейтинговых агентств.

Образно говоря, кризис высветил наличие огромной массы долгов, в выплату которых больше никто не верит. Сегодня для многих очевидно то, что кредитно-финансовая система США явно переоценила способность саморегулирования глобальной рыночной экономики, точнее, её способности перевари-

⁴³ Подробнее см.: Нижегородцев Р.М., Стрелецкий А.С. Мировой финансовый кризис. Причины, механизмы, последствия. М., 2008, с. 50.

вать американские долги (облигации) с помощью навязывания их зарубежным инвесторам-спекулянтам.

Характеризуя проблему ведущей сферы современной американской экономики, которая должна сыграть роль «локомотива» по её выведению из финансового кризиса, профессор Калифорнийского университета (г. Беркли) Б. Делонг подчеркнул, что у США не осталось иного выбора, кроме как окончательно «превратиться в крупнейший в мире фонд частного акционерного капитала, в который вкладывает средства весь остальной мир, а США реинвестируют эти средства обратно в их экономики – в те отрасли и компании, которые проявляют повышенный спрос на наукоёмкую продукцию и экспортные услуги США»⁴⁴.

С середины 1990-х годов в США стал постепенно претерпевать фундаментальные изменения базовый алгоритм экономического роста, который во всё большей степени основывался на ценовой инфляции активов. Причём – и это принципиально важно – главным теоретиком эффективности этого механизма ещё в конце 1990-х годов выступил нынешний председатель ФРС Б. Бернанке⁴⁵. В последующих работах ряд американских экономистов, отталкиваясь от положений теории Б. Бернанке, обосновали тезис о необходимости целенаправленного использования монетарной политики именно для установления режима контролируемой инфляции активов⁴⁶. С этой точки зрения становится очевидным конечный замысел экономической стратегии Б. Обамы – Т. Гайтнера: опираясь на план финансовой стабилизации постепенно вновь запустить экономический рост в США, основанный на ценовой инфляции активов, а План американского возрождения и инвестиций использовать в качестве механизма «отсечения» двух инфляционных «шлейфов» начала XXI века – резкого скачка цен на энергоносители и спекулятивной активности на рынке жилищного строительства, которую и призвана подавить программа постепенной переориентации ресурсов строительной промышленности на реализацию инфраструктурных проектов. Конечный замысел экономической стратегии Б. Обамы – Т. Гайтнера представлен на схеме.

По всей видимости, администрация Обамы в итоге будет искать выход из мирового финансового кризиса не на путях стимулирования развития реальной экономики США, а на путях формирования новой мировой архитектуры, которая обеспечила бы привилегированное положение финансовой отрасли. С этой точки зрения не стоит убаюкиваться ассоциациями с «Великой депрессией» и «Новым курсом» Ф. Рузвельта, решавшим проблемы в пределах национальной экономики. В условиях глобальной экономики все основные элементы стратегии администрации Обамы – налоговое стимулирование, инве-

⁴⁴ De L o n g B. What Is Going to Be the New Leading Sector? 16.12.2008 (<http://www.tpmmediallc.com>).

⁴⁵ Bernanke B. and Gertler M. Monetary Policy and Asset Price Volatility. – «Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review», 1999, No. 4, pp. 17–51.

⁴⁶ B o r d o M., J e a n n e O. Boom-Busts in Asset Prices, Economic Instability, and Monetary Policy. NBER Working Paper Series. WP 8966. June 2002 (<http://www.nber.org/papers/w8966>).

стиции в развитие инфраструктурных отраслей, выкуп проблемных активов финансовых учреждений (которые опять-таки ведут к росту пирамиды государственного долга) – будут являться не более чем «козырными картами» в глобальной финансовой игре, исход которой будет решаться на мировых финансовых форумах стран «Большой двадцатки», первый из которых состоялся в середине ноября 2008 г. в г. Вашингтоне. Да и сам состав экономической команды Б. Обамы, состоящей из глобалистов 1990-х годов во главе с Л. Саммерсом и монетаристов во главе с бывшим председателем ФРС П. Волкером и председателем Экономического совета при президенте К. Ромер, а также «полномочным представителем» Уолл-стрит в администра-

ции Т. Гайтнером, недвусмысленно указывает на то, что мировой финансовый кризис практически не имеет других «площадок» для своего преодоления⁴⁷.

Времена свободного рынка прошли. Как подчеркнул в своём выступлении сразу после президентских выборов один из управляющих ФРС К. Уорш, «среднесрочные перспективы мощного экономического роста США, вероятно, будут определяться не динамикой движения цен на жильё, а теми темпами, с которыми будет формироваться новая финансовая архитектура, а также тем, какие формы она примет. Вызов создания новой финансовой инфраструктуры едва ли является новым для Соединённых Штатов. Трудный выбор, который предстоит сделать политическим деятелям и рыночным игрокам во всём мире, будет иметь реальные последствия для перспектив экономического роста США в будущем»⁴⁸.

⁴⁷ На необходимость действовать более решительно именно в этом направлении администрацию подталкивает и разведывательное сообщество США, которое всерьёз начинает опасаться «мировой пролетарской революции». В докладе, представленному Конгрессу в феврале 2009 г., недвусмысленно указывалось, что «хотя две трети всех стран мира располагают достаточными финансовыми и иными ресурсами для смягчения проявлений мирового экономического кризиса, большая часть стран Латинской Америки, республик бывшего СССР и африканских стран к югу от Сахары не имеют достаточных валютных резервов, доступа к международной помощи или кредитованию или другим механизмам противодействия кризису. Статистическое моделирование показывает, что экономические кризисы, если они продолжаются на протяжении одного – двух лет, резко повышают риски дестабилизации политических режимов». (Annual Threat Assessment of the Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence. 12.02.2009, p. 2.)

⁴⁸ W a r s h K. The Promise and Peril of the New Financial Architecture, 6.11.2008 (<http://www.frs.gov>).